

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: В ИСТОРИЧЕСКОМ И ПРОБЛЕМНОМ КОНТЕКСТАХ

Д. В. Дмитриев

кандидат богословия,
магистрант кафедры
религиоведения философского
факультета Санкт-Петербургского
Государственного университета

РЕЛИГИОЗНЫЙ МИР В. Г. БЕЛИНСКОГО

Copyright © 2012, Д. В. Дмитриев

Научные руководители:

д-р ф. наук, проф. Т. В. Чумакова,
д-р филос. наук, проф. А. А. Ермичев

Минувший год был годом 200-летия со дня рождения замечательного русского человека Виссариона Григорьевича Белинского (1811–1848). Виссарион Григорьевич был разносторонней личностью и очень плодовитым писателем, осветившим в своих многочисленных статьях и рецензиях целый ряд вопросов по самым разнообразным дисциплинам — литературы, философии, политики и т. д. Но более всего «неистовый Виссарион», как его называли, прославился именно как литературный критик, по праву снискав, как отмечают специалисты, славу «нашего крупнейшего литературного критика»¹. Неоднократно уже писалось, что «роль Белинского в критике подобна роли Пушкина в литературе»². И действительно, оригинальный стиль изложения мысли, острое слово, свежесть и актуальность в постановке избранной проблемы ярко выделяли Виссариона Григорьевича из пестрой массы рядовых критиков и публицистов. Не было проблемы, которой бы он не поднял, не было вопроса, которого он бы не коснулся. Страстное желание Правды толкало его снова и снова братья за перо, пока смерть от чахотки не остановила его руку в 1848 году.

Литературное наследие Белинского еще требует своего глубокого разностороннего изучения. В этой же статье автор будет анализировать религиозный мир Виссариона Григорьевича. Данная тема уже поднималась ранее. В советском белинсковедении были представлены две точки зрения. Согласно первой, которой придерживалось большинство советских исследователей (например, М. Иовчук), — Белинский представлялся исключительно лишь только как носитель атеистических и материалистических взглядов. Утверждалось, в частности, что Белинский в конце своей жизни под влиянием немецкого философа Л. Фейербаха (книгу которого «Сущность христианства» перевел для Белинского один из его друзей) усвоил взгляды «антропологического материализма»³. Однако существовала и вторая, маргинальная ли-

ния, представителем которой был А. И. Володин, утверждавший, что религиозные взгляды Белинского претерпели определенную эволюцию, в которой необходимо присутствовала и искренняя религиозность, переросшая в конце концов в попытку истолковать «учение Христа» в революционно-демократическом духе»⁴.

Автору статьи ближе вторая точка зрения, которую он во многом разделяет.

При рассмотрении религиозных взглядов Белинского нельзя обойти вниманием качества его личности, его характера. Он представлял собой тип «идейного человека», очень увлекающимся чем-либо, идущим на поводу охватившей его идеи, которой он отдавался без остатка. Как метко подметил Н. А. Бердяев: «Для него, натуры страстной и чувствительной, понимать и страдать было одно и то же. Жил он исключительно идеями и искал правды, упорствуя, волнуясь и спеша. Он горел»⁵.

Другим немаловажным фактором, проливающим свет на внутренний мир крупного русского литературного критика, являются его письма, в которых, с точки зрения известного исследователя русской философской мысли прот. В. Зеньковского, Белинский наиболее открыт и откровенен: «При изучении Белинского нужно, в первую очередь, изучать его *письма*, где он свободно излагал свои мысли и искания, — в статьях же, всегда ограниченных рамками и задачами журнальной работы, да еще в цензурных условиях того времени, он не весь перед нами»⁶.

В религиозном развитии Белинского можно выделить несколько этапов. Первый этап — это Белинский-отрок и Белинский-юноша, студент философского факультета Московского университета. Он религиозен потому, что все кругом религиозны, не смотря на то, ходят они в церковь или не ходят.

Некоторые исследователи пытаются приписать Белинскому атеистические мысли уже в этот период, ссылаясь, в частности на его пьесу «Дмитрий Кали-

нин», где, по их мнению, «впервые в раннем произведении Белинского намечается антирелигиозная тема. Болью миллионов угнетенных, одурманенных религией звучат слова Дмитрия Калинина, обращенные к Богу: «А ты, существо всевышнее, скажи мне: насытилось ли моими страданиями, натерпелось ли моими муками, навеселилось ли моими воплями, упилося ли моими кровавыми слезами?»⁷ Однако эти авторы скорее выдают желаемое за действительное! Действительно, на первый взгляд от этих строк веет неприкрытым кощунством, и так бы оно и было, если бы Виссарион Григорьевич оставил сюжет своей пьесы без дальнейшего развития. Однако если изучить пьесу внимательнее, то окажется, что далее главный герой кается в своих неосторожных словах и отказывается от них. На этот нюанс обратил внимание еще в начале XX века известный русский публицист Ю. Айхенвальд: «Точно так же если в пьесе прозвучит иногда как бы кощунственная нота (“А Ты, Существо Всевышнее, скажи мне: насытилось ли моими страданиями, натешилось ли моими муками?..”), то и герой в испуге и ужасе перебивает самого себя, свою дерзкую речь и тут же кается, и сам автор немедленно принимает свои меры и к словам, похожим на хулу, делает примечание, искренне защищающее «чистые струи религии и нравственности»⁸.

Дальнейшее религиозное развитие Белинского происходит в связи с посещением кружка Н. В. Станкевича, где под влиянием последнего в нем просыпается подлинно православный дух⁹. В его рецензиях 1830-х годов православный человек узнается сразу буквально с первых строчек. Так, например, в одной своей статье напишет следующее: «Есть книга, в которой все сказано, все решено, книга бессмертная, святая, книга вечной истины, вечной жизни — Евангелие»¹⁰. Как отмечает Володин: «Вряд ли следует упрощать дело, полагая будто Белинский упоминает Христа, Евангелие, лишь исходя из желания приспособить свои статьи для прохождения через цензуру»¹¹.

Достаточно вчитаться в письма Белинского этого и следующего периода, чтобы почувствовать всю серьезную искренность этих слов. В одном из писем В. Боткину он пишет следующее: «Для меня Евангелие — абсолютная истина, а бессмертие индивидуального духа есть основной ее камень. Временем тепло верить: с души как бремя скатится, сомнение далеко, и верить, и плачется. И так легко — легко. Да, надо читать Евангелие: только от него и можно искать утешения»¹². А вот выдержка из другого письма: «...читали-ли вы когда Ветхий Завет? Знаете — ли вы, что такое ревность по Господе, снедающая человека? Что человек без Бога? Труп холодный. Его жизнь в Боге, в нем он и умирает, и воскресает, и страдает, и блаженствует»¹³.

А вот что Белинский писал о вездесущи и милосердии Божиим: «Не говорите детям о том, что такое Бог: они не поймут ваших конечных и отвлеченных определений бесконечного существа; не заставляйте детей любить его, этого Бога, который является им

и в ясной лазури неба, и в ослепительном блеске солнца, и в торжественном великолепии возрастающего дня, и в грустном величии наступающей ночи, и в реве бури, и в раскатах грома, и в цветах радуги, и в зелени лесов, и во всем, что есть в природе живого, так безмолвно и вместе так красноречиво говорящего душе юной и свежей, и, наконец, во всяком благородном порыве, во всяком чистом движении их младенческого сердца. Не рассуждайте с детьми о том, какое наказание полагает Бог за такой-то грех, не показывайте им Бога как грозного, карающего судью, но учите их смотреть на него без трепета и страха, как на отца, бесконечно любящего своих детей, которых он создал для блаженства и которых блаженство он искупил мучением на кресте»¹⁴.

Трамплином к следующей ступени религиозного пути Виссариона Григорьевича, во время которого его религиозность оформляется философски, стало, без сомнения, увлечение им философскими трудами Ф. Шеллинга, которыми, кроме него, зачитывался весь кружок Н. Станкевича. «Философия Шеллинга, — как отмечает исследователь В. Вороницын, — которая на первых порах оформляет искания юных идеалистов, провозглашала тождественность природы и духа в Абсолюте. Она признавала мировую душу, проявляющуюся весь мир в единую систему. Человеческий разум есть высшее сознание природой самой себя. Бог, или нравственный миропорядок, доказывается всей историей человечества, в которой якобы царит преобладанность. Доказательство Бога от целесообразности в природе играет подчиненную роль. В христианстве открывается людям идеальный мир, в нем божественность делается достоянием человека. Это насковзь идеалистическое мировоззрение, приводящее к мистическому пантеизму, становится религией для Белинского»¹⁵.

Однако в 1837 году Бакунин знакомит Белинского с Гегелем, и это открывает новую страницу в его духовной жизни. И хотя сам Виссарион Григорьевич никогда самого Гегеля не читал, а знал его с чужих слов, но учение немецкого философа прочно захватило мысль Белинского, открыв новую страницу в его духовной жизни. Белинский становится своеобразным гегельянцем. Религиозная интерпретация понятия Абсолютного Духа у Гегеля облекает новые идеи в знакомые религиозные понятия. «Воля Божия, — пишет он в письме 1838 года М. А. Бакунину, — есть... то же, что необходимость в философии, — это “действительность”»¹⁶. Можно согласиться с исследователем творчества Белинского И. И. Ивановым, утверждавшим, что Белинский «хотел (в этот период) подменить науку религией, знание — созерцанием, исследование — открыванием, человеческую жизнь и историю — диалектикой развивающейся идеи»¹⁷. Действительно, для Белинского религиозный имманентизм, уже ранее увлекавший его религиозное сознание, в этот «гегелианский» период получает новую силу.

Однако постепенно живая действительность окружающего мира отрезвляет Белинского. А когда в 1840 году из Италии приходит известие о смерти Н. Станкевича, Белинский переживает особенно трагически именно проблему личности. Этот мотив постепенно выдвигается у Белинского на первый план, — и вопрос метафизического обоснования персонализма приобретает для него первостепенное значение. Несколько позже он пишет: «Для меня теперь человеческая личность выше истории, выше общества, выше человечества»¹⁸; «сам Спаситель сходил на землю и страдал за личного человека»¹⁹.

Постепенно утверждаясь в своей интенции, Белинский отказывается от гегелевского понятия Абсолюта во имя Личности. Он начинает метаться в поисках ответов на вопросы о смысле жизни, о смерти, о бессмертии. В это время в истории русской мысли происходит новый этап — поворот в сторону позитивизма, в общую сторону которого поворачивает и Белинский. В одном из писем Н. Бакунину он пишет: «В душе моей есть то, без чего я не могу жить, есть вера, дающая мне ответы на все вопросы. Но это уже не вера и не знание, а религиозное знание и сознательная религия»²⁰.

В 1845 году Белинский знакомится с работами К. Маркса «К критике гегелевской философии права» и «К еврейскому вопросу» и Ф. Энгельса «Очерки критики политической экономии», которые оказывают решающее значение на его религиозный мир. В это время его религиозность принимает quasi-религиозную атеистическую форму, свойственную в той или иной степени большинству представителей русской интеллигенции того исторического периода. Этот особый вид религиозности глубоко проанализировали и подробно описали С. Н. Булгаков и П. Б. Струве в знаменитом сборнике «Вехи». Сравнивая христианство с интеллигентскими религиозными взглядами, П. Б. Струве подчеркивает, что «анархизм и социализм русской интеллигенции есть своего рода религия»²¹. А Булгаков отмечает что «в духовном облике русской интеллигенции имеются черты религиозности, иногда приближающиеся даже к христианской»²² и что «русский атеизм отнюдь не является сознательным отрицанием... он берется чаще всего на веру и сохраняет эти черты наивной религиозной веры, только наизнанку»²³. У истоков же подобных взглядов, на много лет ставших определяющими для духовности русской интеллигенции, стоял, по Булгакову... Виссарион Григорьевич: «Атеизм, — пишет он, — есть общая вера, в которую крещаются вступающие в лоно церкви интеллигентски-гуманистической, и не только из образованного класса, но и из народа. И так повелось изначала, еще с духовного отца русской интеллигенции Белинского»²⁴.

Именно в этот период Белинский пишет свое знаменитое, полное антиклерикальных выражений письмо к Н. В. Гоголю. Вспоминаются следующие горькие слова из этого письма: «Нельзя перенести оскорбленного чувства истины, человеческого достоинства: нельзя молчать, когда под покровом религии

и защиту кнута проповедают ложь и безнравственность, как истину и добродетель... Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их), не молитвы (довольно она твердила их), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре, — права и законы, сообразные не с учением церкви, а со здравым смыслом и справедливостью, и строгое по возможности их исполнение...»²⁵ Как замечает Ю. Айхенвальд, этими словами Белинский «выразил свое понимание христианства, сблизив его с социализмом»²⁶. «Что Вы нашли общего, — продолжает Белинский, — между ним (Христом. — *Авт.*) и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения»²⁷. Церковь же только и делала, что скрывала «смысл учения Христова», который был «открыт философским движениям прошлого века»²⁸. Поэтому, заключает Белинский, «какой-нибудь Вольтер, орудием насмешки потушивший в Европе костры фанатизма и невежества, конечно, больше сын Христа... нежели все Ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи, восточные и западные»²⁹. «Неужели Вы, — продолжает Белинский, — автор “Ревизора” и “Мертвых душ”, неужели Вы искренно, от души, пропели гимн гнусному русскому духовенству?... Неужели же, в самом деле, вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа?... Не есть ли поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого вы не знаете?»³⁰ Впоследствии за эти слова Белинского сильно критиковали. Однако учитывая исторический контекст письма, его позицию, выраженную выше, вполне можно оправдать. Как ни прискорбно это отмечать, но, к сожалению, реальность той исторической эпохи была такова, что общий уровень образования духовенства Русской Православной Церкви, несмотря на эрудицию и начитанность отдельных ее представителей, оставался очень низким. Хорошее светское образование получали единицы. Многие же рядовые клирики Русской Православной Церкви не интересовались ни культурой, ни литературой, ни философией, что приводило к полному отрыву от интереса к общественно-политической жизни социума и появлению фидеистических настроений. Это отталкивало образованную интеллигенцию (к которой принадлежал и Белинский) и дворянство от Церкви и заставляло их решать свои духовные проблемы вне церковной ограды. Как комментирует прот. Александр Мень, «хотя многие выдающиеся деятели русской культуры были убежденными христианами, образ жизни, быт, интересы основной массы интеллигенции складывались вне церковности. Характерный пример привел князь Волконский, описывая общую неловкость

при посещении священником дома предводителя дворянства: «Ни мы с ним не умеем, ни он с нами не умеет просто разговаривать: он такой, как бы сказать, неучастник нашей общей жизни, что для него нужны специальные темы, особенный разговор; в присутствии батюшки как бы останавливается наша жизнь, и только по уходе его мы со вздохом облегчения к ней возвращаемся»³¹.

Белинский же как тонкий наблюдатель лишь отметил очевидный факт современной ему реалии общественной жизни России и со свойственной ему горячностью и пылкостью выплеснул эти размышления на бумагу. И это был не единственный случай в его биографии, когда он вступал в полемику по тому или иному религиозному вопросу, честно и прямо борясь за Истину. Наиболее яркий пример, конечно, это дискуссия с участием известного русского писателя И. Тургенева, во время которой один из участников спора предложил сделать перерыв на обед, что было немедленно и резко парировано Виссарионом Григорьевичем: «Мы еще не решили вопроса о существовании Бога, а вы хотите есть!»³² После этого поневоле хочется согласиться с Д. С. Мережковским, написавшего как-то про Белинского следующие строки: «Если этот человек, как свеча сгоревший перед Кем-то, Кого так и не узнал, не сумел назвать по имени, — и не был со Христом, то Христос был с ним»³³.

В связи с этими словами вспоминается еще один подобный эпизод из жизни Виссариона Григорьевича. «Однажды на страстной неделе В. Г. Белинский пришел обедать к знакомому литератору. На стол подали постные блюда, Белинский спросил:

— Неужели вы так богомольны?

— Мы едим постное просто-напросто для людей, — услышал он в ответ.

— Для людей? Для людей, — бледнея повторил Белинский и встал.

— Кто ваши люди? Я им скажу, что они обмануты. Всякий открытый и явный порок лучше и человечнее этого лицемерия, поддерживающего невежество»³⁴.

Как отмечает известный современный исследователь И. И. Евлампиев: «О чем здесь речь у Белинского? Это протест против воцарения мещанства в Европе. Причем воцарение во всех сферах — в цивилизации, в культуре, в христианской церкви, которая становится тепло-хладной, и значит, никакой. Это то, что позже было названо “восстание масс”, то, о чем Ортега-и-Гассет писал. Это господство середины, того самого “обеда”, который противостоит Богу в душе, подлинному горению, в том числе и в самом христианстве. Это протест против “середины”, это интеллектуальное, духовное, религиозное горение, протест против религиозной формализма, воцарившегося в Европе и в России, против культурной формы, в которой давно нет содержания, протест против цивилизации, которая к “обеду” свелась. Вот в этом значение Белинского. В этом бунте против обыденности»³⁵.

С вышеуказанным мнением согласен и сотрудник Синодального отдела религиозного образования, миссионерства и катехизации УПЦ МП, настоятель храма преподобного Агапита Печерского при Медицинском университете г. Киева прот. Андрей Ткачев, словами которого автор хотел бы закончить эту статью: «Что касается самого Белинского и талантливых антихристиански настроенных мыслителей, — отмечает он, — то в какой-то степени их творчество способствовало развитию и религиозной мысли. К примеру, много хороших слов сказано о Ницше, потому что его честный пафос обличения лжи в бытовом христианстве имел в итоге пользу для самого христианства... Что в лучшую сторону отличало Белинского, то это честность и нравственная тревога. Он — не певец за личное счастье, а борец за лучшую долю для всех людей, отсюда своего рода огненность его жизни. Мы должны научиться уважать ошибки других людей. Белинский нам не враг. Все, что тревожилось, рвалось, кричало в глубине его души, — в итоге выходило в виде произведений Белинского. Деятельность Белинского — живой урок для всех нас. И мы как христиане должны помнить, что у нас нет врагов, что все люди — наши друзья, что все люди помогают нам — только одни помогают прямо, а другие, как Белинский, — косвенно»³⁶.

Список источников и использованной литературы

1. Айхенвальд Ю. И. Силуэты Русских писателей. Вып. 3. М., 1906–1910 / http://dugward.ru/library/belinsky/aihenv_belinskiy.html.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13-ти томах. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. II.
3. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13-ти томах. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. 12.
4. Белинский В. Г. Избранные письма. М., 1955. Т. 2.
5. Белинский В. Г. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1982.
6. В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения. Государственное издательство политической литературы. М., 1941.
7. Белинский В. Г. Письмо к Н. В. Гоголю / Избранные статьи. М.: Изд-во «Детская литература», 1974.
8. Белинский В. Г. / <http://atheism.su/belinskij-v-g>.
9. Бердяев Н. А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / <http://philologos.narod.ru/berdyayev/berd-rusidea.htm>.
10. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Изд-во «Правда», 1991.
11. Володин А. Да здравствует разум и отрицание! // Наука и религия. № 9. 1973.
12. Вороницын В. Г. Белинский и религия. М.: Изд-во «Атеист», 1930.
13. Виссарион Григорьевич Белинский. Эволюция философских взглядов и литературно-критическая деятельность / <http://www.literature-xix.ru/belinskij/evoljutsija/>.
14. Зеньковский В. прот. История русской философии. М.: Изд-во «Академический проект», 2001.
15. Иовчук М. Белинский, его философские и общественные взгляды. Гослитиздат, 1939.
16. Мережковский Д. Большая Россия. Л.: Изд-во Ленинградского Университета, 1991.

17. Мень А. прот. Русская религиозная философия. М.: Изд-во «Жизнь с Богом», 2008.
18. Русская критика. Л.: «Лениздат», 1973.
19. Сапронов П. А. Русская философия. Проблемы своеобразия и основные линии развития. СПб., 2008.
20. Ткачев А. прот.: Деятельность Белинского — живой урок для всех нас / http://83.136.247.174/news_rl/2011/06/14/protoierej_andrej_tkachev_deyatelnost_belinskogo_zhivoj_urok_dlya_vseh_nas/?p=2&print=y.
21. <http://www.rhga.ru/science/conferences/seminar/russm/stenogramms/belinskii-1.php>.
- 14 Белинский В. Г. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1982. С. 87.
- 15 Вороницын В. Г. Белинский и религия. М.: Изд-во «Атеист», 1930. С. 10.
- 16 Белинский В. Г. Избранные философские сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1941. С. 130
- 17 См.: Зеньковский. Указ. соч: С. 260.
- 18 Белинский В. Г. Избранные письма. М., 1955. Т. 2. С. 102.
- 19 Там же. С. 121.
- 20 Там же. С. 201.
- 22 Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество / Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Изд-во «Правда», 1991. С. 35.
- 23 Там же. С. 38.
- 24 Там же. С. 37.
- 25 Белинский В. Г. Письмо к Н. В. Гоголю / Избранные статьи. М.: Изд-во «Детская литература», 1974. С. 186.
- 26 См.: Айхенвальд Ю. И. Силуэты Русских писателей. Вып. 3. М., 1906–1910 / http://dugward.ru/library/belinsky/aihenv_belinskiy.html.
- 27 Белинский В. Г. Письмо к Н. В. Гоголю / Избранные статьи. М.: Изд-во «Детская литература», 1974. С. 187.
- 28 Там же.
- 29 Там же.
- 30 Белинский В. Г. Письмо к Н. В. Гоголю / Избранные статьи. М.: Изд-во «Детская литература», 1974. С. 188.
- 31 Цит. по: Мень А., прот. Русская религиозная философия. М.: Изд-во «Жизнь с Богом», 2008. С. 147.
- 32 Цит. по: Бердяев Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / <http://philologos.narod.ru/berdyaev/berd-rusidea.htm>.
- 33 Мережковский Д. Больная Россия. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. С. 39.
- 34 См.: Белинский В. Г. / <http://atheism.su/belinskij-v-g>.
- 35 См.: <http://www.rhga.ru/science/conferences/seminar/russm/stenogramms/belinskii-2.php>.
- 36 Ткачев А., прот. Деятельность Белинского — живой урок для всех нас / http://83.136.247.174/news_rl/2011/06/14/protoierej_andrej_tkachev_deyatelnost_belinskogo_zhivoj_urok_dlya_vseh_nas/?p=2&print=y

Примечания

- ¹ См.: Сапронов П. А. Русская философия. Проблемы своеобразия и основные линии развития. СПб., 2008. С. 150.
- ² Цит. по: Русская критика. Л.: Лениздат, 1973. С. 6.
- ³ Подробнее см.: Иовчук М. Белинский, его философские и общественные взгляды. М.: Гослитиздат, 1939.
- ⁴ Володин А. «Да здравствует разум и отрицание!» // Наука и религия. № 9. 1973. С. 56.
- ⁵ Цит. по: Бердяев Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / <http://philologos.narod.ru/berdyaev/berd-rusidea.htm>.
- ⁶ Зеньковский В., прот. История русской философии. М.: Изд-во «Академический проект», 2001. С. 253.
- ⁷ Цит. по: Белинский В. Г. / <http://atheism.su/belinskij-v-g>.
- ⁸ Цит. по: Айхенвальд Ю. И. Силуэты Русских писателей. Вып. 3. М., 1906–1910 / http://dugward.ru/library/belinsky/aihenv_belinskiy.html.
- ⁹ В одном из своих писем Белинский даже написал о Станкевиче такие слова: «Я увидел Станкевича и полюбил Бога» / Белинский В. Г. Избранные письма. М., 1955. Т. 2. С. 90.
- ¹⁰ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13-ти томах. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. II. С. 555–556.
- ¹¹ Володин А. «Да здравствует разум и отрицание!» // Наука и религия. № 9. 1973. С. 55.
- ¹² Белинский В. Г. Избранные письма. М., 1955. Т. 2. С. 41.
- ¹³ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13-ти томах. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959 гг. Т. 12. С. 19.